



Владимир Михайлович  
Нестеров

Дружинник князя  
Афанасия



# **Владимир Михайлович Нестеров**

## **Дружинник князя Афанасия**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=28731384](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28731384)*

*SelfPub; 2017*

### **Аннотация**

В книге рассказывается о перемещении современного человека в Древнюю Русь в качестве дружинника князя Переяславля-Залесского Афанасия и его приключениях.

# Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

## Дружинник князя Афанасия

*Единственной и неповторимой жене Кате и нашим детям – Саше и Роме ...*

Я не люблю предисловий, никогда их не читаю и конечно не стал бы писать, но к сожалению, без предисловия мой рассказ не может быть понят.

Поэтому мне придется насколько возможно коротко изложить события, послужившие причиной написания этого сочинения.

После того, как мне была сделана одна очень сложная операция на глазах, я более месяца не мог бриться без посторонней помощи, и чтобы не затруднять близких решил отпустить бороду и усы.

Пока я находился дома, это не вызывало каких-либо возражений со стороны домашних, составлявших в это время мой круг общения, но как только послеоперационный период закончился, и я показался на люди...

Скажу одно – советы – «не позорится» – были из категории самых тактичных. И я конечно бы сбрил все эти «неподобающие для молодого человека наросты» со своего лица, но во мне разыгрался дух противоречия, и я принял категорическое решение –ничего не сбривать!

Своей «многозначительной» бородкой, более-менее гу-

стой только на подбородке и с редкими волосиками на щеках, я походил на некоего древнерусского витязя, впервые выходявшего в поход в составе княжеской или боярской дружины. Так казалось мне, когда я специально заведенной расческой причесывал перед зеркалом свою гордость.

Вот в один из таких моментов со мной и произошло странное событие, совершенно уникальное по вызванным ощущениям – я как бы перенесся в начало XI века, но в тоже время и не совсем я: все мое – внешность, знания, привычки и др., но дополнительно я как бы уже был вживлен в это время заранее – у меня были родители, друзья, любимая девушка. Я не чувствовал себя чужим в той эпохе, хотя знал будущее до XXI века, что говорит о том, что произошедшее не было простым переселением души.

Я пробыл в том времени два дня, затем связь времен неожиданно прервалась. Но несомненно я не исчез оттуда, точно также как находясь там, не исчезал из нашего времени.

Наука рано или поздно раскроет тайну случившегося со мной. Я же решил изложить произошедшее, стараясь по возможности воздерживаться от комментариев, дабы быть объективным.

## **I глава**

Отец приехал с городских вымолов<sup>1</sup> усталый. Он скинул

---

<sup>1</sup> Вымолы – пристани

на лавку пояс с мечом, ополоснул руки под рукомоем и сев за стол сказал:

– Завтрева Лександра с собой беру. Съездим сторожи поглядеть. – Мать перекрестилась и ухнув из печи на стол горшок с кашей сказала:

– Ян, да почто малого-то в службы свои брать! Себя не бережешь, хотя о сыне подумай! – Отец упредил меня:

– Не малой он, семнадцать годов ему. Скоро жениться нать! – Мать в ответ только охнула. Верно для матери я завсегда буду малым, тем более что один в семье – и в душе материнской стало быть тоже один.

– Коли себя покажет, место свое ему с чистой душой оставлю, – продолжил отец, стряхивая крошки с бороды...

А был мой отец переяславским воеводой.

Тысячи различных дел лежат на воеводе, про то верно и прозвали его через немногие годы тысяцким. На нем не только заботы о ратном деле: дружине, стенах градских и о сторожах, хранящих град от нежданного нападения врагов. Должон воевода и гостей заморских приветить, благо переяславский торг лежит на путях торговых, и если б не угрозы со стороны степи, то ужо бы и сам Киев переплюнул. Все строительство градское на воеводе – на Переяславле ноне каменный храм стоит положил князь Афанасий. Да и иных забот у воеводы множество...

Батя разбудил меня затемно. Он уже оделся и натягивал сапоги, замечательные сапоги зеленого сафьяна, под стать

князю.

Сапоги были источником некоей тайны. Мне помнилось, как еще мальцом я спросил, откуда у отца такие княжеские сапоги, но он не ответил, лишь глянул мрачно и в глазах его мне показались слезы...

Мы скоро поснедали и вздев брони, одвуконь тронули со двора.

Денница едва всходила, а народ уже бодрствовал. Хозяйки коров подоили, выгнали скотину на улицу, отстрипались и своих покормили. Из города и в город ехали и ехали – кто верхом, кто в телеге или возком.

Город издавна делился на Гору и Предгорье. Горой звали высокое место за толстыми, из тесанного камня стенами, лишь недавно сменившими деревянные.

Проехав через ворота, мы въехали в Предгорье. Оно закрыто валом и рвом, наполняемым из Трубеж-реки, омывающей Переяславль с северо-запада, с юго-запада город прикрывает Днепр. И только со стороны степи нет защиты, кроме крепостных стен, и нет иного предупреждения, кроме дозорного костра.

Я ехал в броне, сверху прикрытой корзном<sup>2</sup>, на голове сверкал даденный отцом шелом, отделанный серебром, на его острие развеялся крохотный красный еловец<sup>3</sup>. Подбородная пряжка немного жала, но я не подавал виду. На левом

---

<sup>2</sup> Корзно (старослав.) – плащ,

<sup>3</sup> Еловец (старослав.) – флажок.

боку меч на привязи, также отцом данный. К седлу приторочено копье мурмазецкое, лук со снятой тетивой. За спиной круглый щит на длинном ремне и тул<sup>4</sup> с двадцаткой коленных стрел. В правой руке – шелкова плеточка, небольшая булава качалась на запястье левой руки.

На выезде из Предгорья мы столкнулись с въезжавшим купеческим караваном. Мимо нас проходили повозки тяжело груженные мехами, воском, пенькой, льном и еще невесть чем. Купцы поравнявшись с нами в пояс поклонились отцу.

– Ну и трудна ж торговлишка купеческа..., – отец взглядом проводил купеческий караван и продолжил, – В Киеве по весне купцы купляют лодки-однодеревки, что в верховьях кривичи делают. Ближе к лету все собираются до Витичева, оттоль и идут к порогам. Самый опасный четвертый порог – Неясыть. Туда товары выгружают, холопы коло шести тысяч шагов берегом идут. Печенеги ждут за порогами у самого Крорийского перевоза. Ежели их отразили, то до реки Селины не будет никакой опасности, а если на той реке ладьи к берегу прибьет, то печенеги тут как тут. Если все обошлось, то после Конопы, Константины, устья Варны и Дицины достигнешь Мисимврии, начального града Грецкой земли. – Батя закончил сию историю, так как мы уже подъезжали к первой стороже. Отец старея, стал очень любил сказывать всякое и обыкновенно чрезмерно затягивал. Поэтому я возблагодарил Бога за то, что первая сторожа находилась

---

<sup>4</sup> Тул (старослав.) – колчан,

настолько близко, чтобы прервать отцово красноречие.

Сторожи стояли в степи на десяти верстах друг от друга и были похожи друг на друга. Возвышенное место с обязательным кострищем, землянка, под горкой, либо где-то поблизости – ручей. Сторожа была из четырех человек, каждую неделю сменяемых.

Ратные несли службу исправно, и мы не задерживаясь поехали далее.

Тяжко летом доспехи носить. Тело преет, зудит, а не почесешься толком. Во время скачки еще свежо, ветерок обдувает тело, а остановишься – будто в бане – с неба палит, земля нагрета и жжет ноги через мягкие подошвы сапог.

Когда вдали завиднелась вторая сторожа мы приостановились. Я задал отцу, давно интересовавший меня вопрос:

– Почто ты бросил службу великому князю Владимиру? – Он бросил на меня настороженный взгляд и ответил:

– Так я ему и здесь служу.

– Здесь-то князь Афанасий, стало быть и чести меньше!

– Вишь ты какой, – батя улыбнулся и погладил бороду, – На Руси за князем идут, а не князь гонит. Не пойдут – если князь назади останется. С бояр спрос еще больший. Бо, сыне, боярин сродство имеет с боем и знаменует воина храброго. Не устоит Переяславль без моей руки..., – батя махнул рукой, – Да и стар я уже во чистом поле поляковать. Един Илья – крестовый брат мой – не насытился еще ратными утехами. А остальных, кого я знавал, уж и нет – кто в землю лег, кто

в покое с жонкой, да детьми жисть доживает...

Проверив последнюю сторожу, отец решил проехать вперед верст пять – до Босой горы, прозванной так за отсутствие на ней зелени, обыкновенной присущей степным горам. На Босой было еще возвышение – Старая гора, с которой было видно далеко окрест.

Отец отстал, остановившись напиться из ручья под горой, а я выехал на широкий пригорок и мне открылся вид степи, уже не вызывавший у меня былого восхищения – унылые кустарники, островками разбросанные до самого окоема, солнце бьет в глаза, на небе жидкие облачка, не сулящие дождя.

Голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников. Вместо городов и селений – одни кладбища народов кочующих. Может быть в самой глубокой древности ходили здесь караваны купеческие, скифы и греки сражались с опасностью, нуждою и скукою, в надежде обогатиться золотом...

Я выпрямился в седле и перекинув булаву на запястье правой руки, прислонил правую ладонь ко лбу, закрываясь от солнца и обвел взором окрест, подражая Илье Муромцу, дружиннику князя Владимира. Этой повадкой своей мне запомнился Илья, когда останавливался у нас. Я был тогда годов осьми. Вот сильный мужик...

Они с отцом были большие друзья – крестовые братья, вместех много всякой нечисти положили. Таким хотелось бы и мне стать – говорят раз вышел Илья один на бой с двумя

десятками печенегов и в бегство их поворотил, вожака – Ихтумена (Соловья по-нашему) пленил, и в Киев до великого князя Владимира привез...

Отец не любил рассказывать про свою молодость, но основное я из его жизни знал, собственно это была всем известная история.

В 6500 году от сотворения мира пришли печенеги из-за Сулы. Великий князь Владимир вышел им навстречу на Трубеж-реку, русский стали на одной стороне реки, печенеги – на другой, но ни те, ни другие не смели переехать на сторону противоположную. Тогда князь печенежский подъехал к реке, кликнул Владимира и сказал ему: «Выпусти своего мужа, а я своего, пусть борются. Если твой муж ударит моего, то не будем воевать три года, если же наш ударит, то будем воевать три года». Владимир согласился и возвратясь в стан, послал бирючей кликать клич: «Нет ли кого, кто б взялся биться с печенегом?» И никто нигде не отозвался. На другой день приехали печенеги и привели своего бойца, а с русской стороны никого не было. Начал тужить Владимир, послал опять по всем ратникам – и вот пришел к нему старик и сказал: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома, с четырьмя вышел я сюда, а тот дома остался, из детства еще никому не удавалось им ударить, однажды я его журил, а он мял кожу: так в сердцах он разорвал ее руками». Князь обрадовался, послал за силачом и рассказал ему в чем дело, тот отвечал: «Я не знаю, смогу ли сладить с печенегом, пусть меня испы-

тают: нет ли где быка большого и сильного?» Нашли быка, разъярили его горячим железом и пустили. Когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукой за бок и вырвал кожу с мясом, сколько мог захватить рукой. Владимир сказал: «Можешь бороться с печенегом». На другой день пришли печенеги и стали кликать: «Где же ваш боец, а наш готов!» Владимир велел вооружиться своему, и оба выступили друг против друга. Выпустили печенеги своего, великана страшного, и когда выступил боец Владимиров, то печенег стал смеяться над ним, потому что тот был среднего роста. Размерили место между обоими полками и пустили борцов: они схватились и стали крепко жать друг друга, русский наконец сдавил печенега в руках до смерти и ударил им о землю, раздался крик в полках, печенеги побежали, русские погнались за ними. Владимир обрадовался, заложил город на броне, где стоял и назвал его Переяславлем, потому что боец русский перенял славу у печенега. Князь сделал богатыря вместе со старцем, отцом его, знатными мужами.

Этот богатырь и был мой отец Ян, получивший по бывшему своему ремеслу прозвище Усмович<sup>5</sup>. Отец участвовал во многих походах великого князя Владимира – и на печенегов, и на непокорных князей, заслужил себе славу великую, но почему-то прискучила ему жизнь раздольная, да кочевая и по просьбе своей был отпущен князем Владимиром в Переяславль воеводой к князю Афанасию...

---

<sup>5</sup> Усмович – Кожемяка, от усма (древнерус.) – кожа.

Но что-то изменилось в степи за короткий миг. Так бывает – смотришь на только что виденное и вдруг замечаешь – не то что-то, что-то изменилось, а вот что именно – надо еще взглядываться вдаль и взглядываться...

Точно – вдали, на самом окоеме появилась жирная черная точка, а чуть впереди нее точки поменьше – караулы печенежские... Не обмануло отца предчувствие – идут печенеги!

Сзади подъехал отец:

– Сотен пятьдесят, – определил он и поворотил коня, – быстрее до сторожи! – я пришпорил Красавца и поскакал вдогонку за отцом.

На моей памяти печенеги уже приступали к городу три раза, последний – когда мне было годов пятнадцать. Запомнились горожане, ругающие со стен врагов и грозящие им секирами. Под валами тысячи конников, стрелы их летели стойно туче, затемняя солнце, но обычно втыкались в частоколы без всякого вреда и потом наполняли тулы княжеских дружинников.

Старшой сторожи – Кузьма Сиплый – могучий ратник годов сорока, со спускающимися до ключиц усами сразу же спросил:

– Поджигать? – Батя кивнул. Из землянки вышли ратные – Степан и Онуфрий – молодые вои, годов на пять старшей меня. Увидав занимавшийся сигнальный костер Степан спросил:

– Много? – Отец кивнул:

– Сотен пятьдесят, – Степан покачал головой. Онуфрий выругался и пошел в землянку собираться.

– К вечеру быть с первой сторожей, – наказал отец Кузьме и пришпорил коня. Вдали уже еле заметно виднелся язык костра на соседней стороже. С приближением он вырастал в громадное кострище.

Мне стало тоскливо. Мы ехали вестниками беды и она шла впереди нас выроставшими кострами и уйти от этой неизбежной дороги не было возможности.

На огородах близ Трубежа гнули спины многие переяславцы. Они уже увидели загоревшиеся костры и нас – приближавшихся к городу вестников беды – воеводу с сыном.

Люди стояли вдоль дороги, вглядываясь в даль, будто не веря глазам своим. Не привыкать им было к опасному соседству со степью, но всякий раз они не хотели верить в то, что кончилось время мирных трудов и началось ратное время. И не соленый пот, а кровавый надо им утереть за родную землю.

Неверие это не было проявлением слабости, нет – эти люди сами приходили на окраины земли своей, чтобы бороться ее сохой и мечом. Их правнуки стали казаками: донскими, уральскими, кубанскими... Силен был корень, давший такое племя! А если и доводилось им уходить, то ничего не оставляли они врагу, даже названья городов и рек. Так возникли через годы еще два Переяславля: Залесский и Рязанский, тоже стоящие на реке по названию Трубеж.

Навстречу нам вышел Михалыч, отцов крестный, святой в Переяславле человек. Старый, в теплом кафтане, опирающийся на клюку – верно такими были калики переходные, поднявшие Илью Муромца на службу Родине.

Батя спешился, я соскочил следом. Михалыч обнял отца, затем отстранившись, благословил его:

– Ну, Господь с тобою, сынок, – и повернулся ко мне. – Не подведи, Александр, род отца своего, – и осенив меня крестным знаменем, махнул нам рукой. – Поспешайте, дети мои!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.